

SWETLANA MENGEL, ELENA PLAKSINA*

MARTIN-LUTHER-UNIVERSITÄT HALLE-WITTENBERG, HALLE A.D. SAALE,
LEW-TOLSTOI-GRUNDSCHULE STAATLICHE EUROPA SCHULE, BERLIN

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ БИЛИНГВОВ¹ (на примере русского в диаспоре и языков-партнёров)

Аннотация. В предлагаемой статье делается попытка показать аппликацию словообразовательных систем двух языков (один из которых русский), а также выявить области и причины их интерференции и взаимодействия в речи билингвов. После (ре)интерпретации ряда конкретных языковых примеров из речи русских эмигрантов, содержащихся в исследованиях по русскому языку в иноязычном окружении и их сравнения с данными наблюдений авторов статьи, сделанные предположения и выводы распространяются и подкрепляются анализом языкового материала в области словообразования наименований предметов, извлеченного из (устной и письменной) русской речи детей-билингвов, родившихся и/или проживающих в Германии. Исследование проводится на материале базы данных, полученных в результате многолетних наблюдений (по официальному разрешению Федерального правительства земли Берлин) над учениками начальной Европейской школы им. Льва Толстого в Берлине, где преподавание ведётся на русском и немецком языках.

Ключевые слова: функции словообразования, интерференция словообразовательных механизмов, модификация, транспозиция, мутация, деривация, сложение.

1. На необходимость специального изучения словообразовательных механизмов и функций словообразования русского языка в иноязычном окружении впервые указала Е.А. Земская в своем докладе на 4-ой Международной конференции Словообразовательной Комиссии при Международном комитете славистов в Катовице (Земская 2000). Она отметила, что исследователи языка русских эмигрантов, «как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая лишь отдельные производные слова при изучении

* e-mail: swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

¹ В ограниченных рамках статьи мы не имеем возможности подробно остановиться на определении понятия билингвизма в его различных формах и стадиях развития (см. Baker 1996, Garlin 2000, Чиршева 2000, Dietrich 2002, Edel 2007 и др.). В соответствии с задачей исследования и обследованной группой информантов (см. сноску 5) под билингвами понимаются так наз. «естественные билингвы», лица, изначально и параллельно овладевающие (и владеющие) двумя языковыми системами.

заимствованной лексики – так называемые слова-гибриды (заимствованная основа + русские аффиксы)» (Земская 2000, 141). На основании своих исследований² русско-й речи представителей разных поколений четырёх волн эмиграции³, проживающих в Италии, Германии, США, Франции и Финляндии, Е.А. Земская приходит к выводу, что слова-гибриды свойственны, в основном, речи эмигрантов 3-ей и 4-ой волн, где они выполняют номинативную и экспрессивную функции словообразования. По её мнению, словообразовательная система русского языка в целом (в отличие, например, от фонетической или лексической) не подвергается иноязычному влиянию (Земская 2000: 144). Об этом свидетельствует, как считает исследователь, прежде всего анализ речи эмигрантов 1-ой волны различных поколений.

1.1 Безусловно следует согласиться с мнением Е.А. Земской о том, что образование слов-гибридов ни коим образом не влияет на словообразовательную систему русского языка. Напротив, слова-гибриды создаются с использованием продуктивных механизмов и моделей русской словообразовательной системы.

Данный процесс свойственен в равной степени как языку диаспоры, так и метрополии. Его усиление в языке метрополии наблюдается в периоды социальных катаклизмов с характерными для них ослаблением и переоценкой кодифицированных языковых норм (Поливанов 1931). Положение эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции адекватно, по нашему убеждению, социальному катаклизму и отражается в адекватных метрополии языковых процессах, наблюдаемых в языке диаспоры (Mengel 2011, ср. Berend 2003). В этой связи представляется не случайным, что Е.А. Земская зафиксировала большое число слов-гибридов именно у эмигрантов 3-ей и 4-ой волн: здесь она имела возможность общаться преимущественно с представителями первого поколения эмиграции, чего, очевидно, нельзя сказать о её информантах 1-ой волны эмиграции.

1.1.1 Номинативная функция словообразования путем создания слов-гибридов способствует адаптации заимствований и интеграции иноязычной лексики в систему русского языка.

В современном русском литературном языке метрополии (или языке-стандарте) возникают, таким образом, целые словообразовательные гнезда и словообразовательные ряды, ср. примеры из академического «Толкового словаря русского языка конца XX века», фиксирующего языковые изменения за 1985 – 1997 годы (т.е. период социального катаклизма после перестройки): *маркетинг* → *маркетинговый*, *маркетинг-клуб*, *маркетинг-директор*, *маркетолог*, *маркетология*, *маркетологический*, *виндсёрфинг* → *виндсёрфинговый*, *виндсёрфингист*, *виндсёрф*,

² Результаты исследований, проведенных в 90-е годы прошлого столетия, опубликованы в книге «Язык русского зарубежья» (Земская 2001, 128-135), в сборнике материалов 5-ой Международной конференции Словообразовательной Комиссии в Виттенберге (Земская 2002) и в ряде других статей.

³ Различаются следующие волны русской эмиграции: 1-я – после революции 1917 года, 2-я – во время и после Второй Мировой (Отечественной) войны в 1941-1945 годы, 3-я – в 1970-е годы, 4-я – с конца 1980-х годов (Земская 2001, 35 и след.).

виндсёрфер; маркетинг → маркетинговый : виндсёрфинг → виндсёр-финговый : рейтинг → рейтинговый (ТСРЯ 2000) и др.⁴.

Природа, цель и формы образования слов-гибридов в их номинативной функции в языке диаспоры аналогичны, ср.: юзер (*user*) → юзать, юзанный, не-юзанный; юзер → юзанный : рент → рентованный (Земская 2000), слайс (*slice*) → слайстик : байби (*baby*) → байбик (Kouzmin 1973) и др.

1.1.2 Экспрессивную функцию словообразования слова-гибриды, используемые в качестве языковой игры, выполняют не только в языке диаспоры. Приведем пример из фельетона в одной из московских газет конца 1970-х годов, пародирующего речь «прозападной» молодежи, не отвечающей облику советского человека: *Дайте мне вайтовые трузера на зиппере. Я буду в них кайф ловить! Мне ринганули, что ты новый диск купил. У нас сегодня сейшн – приходи, пошейкуем* (Костомаров 1994: 99). Ярким примером аналогичной языковой игры в языке современной русскоязычной диаспоры в немецкоязычных странах может служить *Qwelia* – «язык»-(само)пародия, созданный на специальном сайте в интернете (<http://www.strannik.de/quelia>), ср.:

Doroogie sehr geehrte Damen und Herren, Мы безгрюсаем Вас на нашем новом зайте, посвященном литературной шпрахе Qwelia. На шпрахе Qwelia шпрыхают цырка миллион бевоносящих в Бундесе, Остерайхе и Швицгерландии ауслендеров фон Руфлянд. Qwelia как шпрах хабаат зерпаную гешихту, о которой можно прочитат ЗДЕСЬ. На Qwеле создан великий могучий литератур и фольклёр, который занимает вихтижный платц в шатцкамере мировой культур. Для штудирующих Qwелию мы форберайтели учебный Qwelia-Руфский Вертарбух, который называется «Словарь Креативной Qwели». А те, кто траум такой имеет дойч цулернен, тому наш УЕБУНГ.

1.2 Таким образом, следует признать, что, хотя слова-гибриды и являются показателями «смешения» языков, свойственного языку диспоры, с точки зрения их словообразовательных свойств и функций они не уникальны лишь для этой формы существования языка (ср. Земская 2002). Как в языке диаспоры, так и в языке метрополии слова-гибриды не отражают изменений в словообразовательной системе русского языка, но, напротив, свидетельствуют о её устойчивости.

2. По прошествии более 10-ти лет со времени публикации исследований Е.А. Земской в настоящее время интерес к русскому языку в иноязычном окружении наиболее заметно проявляется в исследованиях по билингвизму и полилингвизму (ср. Anstatt 2007, Афонин 2011, 2012, Плаксина 2010, 2011, 2012). При достаточно детальном рассмотрении процессов перенесения структур (*transfers*) из одного языка в другой – и, в частности, из немецкого в русский – на всех языковых уровнях (ср. обзор литературы в Brehmer 2007) словообразованию по-прежнему не уделяется особого внимания: нередко в этой связи цитируется выше упомянутый общий вывод исследования Е.А. Земской о том, что «слово-

⁴ Современные исследования подчеркивают в этой связи особую роль словообразования в тенденции к интернационализации (Gutschmidt 1999: 9 и след.), наблюдаемой в настоящее время во всех славянских (Лукашанец 2003, Waszakowa 2003, Селимски 2003, Ohnheiser 2002 и др.) и других индоевропейских языках (ср. Mengel в печати).

обра-зование в отличие от других подсистем русского языка [...] не подвергается иноязычному влиянию» (Земская 2000: 143, см. выше, ср. Brehmer 2007: 174).

2.1 Привлекая в связи с изучением билингвизма в диаспоре работы Е.А. Земской и сделанные исследователем выводы, не следует, однако, – как нам представляется – упускать из виду два важных фактора.

Во-первых, целью исследования Е.А. Земской, попытавшейся впервые глобально и всесторонне рассмотреть язык русской эмиграции, было установить, сохранился ли русский язык в иноязычном окружении на протяжении почти ста лет, начиная с 1-ой волны эмиграции 1917 года. Полученные ею результаты, значение которых невозможно переоценить, дали положительный ответ на поставленный вопрос – система русского языка в целом – в том числе и его словообразовательная подсистема – не разрушена. При этом Е.А. Земская считает всё-таки необходимым учитывать предположение Р.О. Якобсона о том, «что при ослаблении языковой системы первыми исчезают категории, наиболее поздно осваиваемые человеком» (Земская 2001: 129).

Во-вторых – что для нас особенно важно – как раз в связи с указанным положением Р.О. Якобсона выводы Е.А. Земской – по собственному заявлению исследователя (Земская 2000: 141 и след.) – полемизируют с результатами исследований М.А. Осиповой и М.С. Полинской, проведенных примерно в то же время в конце 1990-х годов (Осипова 1999, 2001). На примере анализа русской речи детей из семей эмигрантов, привезённых в США в раннем возрасте в 1980-х годах, первая показывает, что ослабляется модификационный тип словообразования (образование деминутивов и приставочных глаголов); вторая указывает на ослабление словообразовательного механизма русского языка в целом, который, по её мнению, вытесняется другими языковыми механизмами под влиянием английского языка. Наиболее стабильным участком словообразовательной системы русского языка оба исследователя считают образование производных мутационного типа (например, наименований деятеля, ср. Осипова 1999: 11), выполняющих номинативную функцию словообразования.

2.2 Нетрудно заметить, что выводы М.А. Осиповой и М.С. Полинской сделаны на основе анализа русского языка детей-билингвов в процессе усвоения ими языковых систем русского и английского языков. Информантами Е.А. Земской 1-ой волны эмиграции были представители её второго и третьего поколений – вне всякого сомнения тоже билингвы (или полилингвы), но уже взрослые, усвоившие в определенной степени соответствующие языковые системы.

Детальное рассмотрение примеров Е.А. Земской, приводимых в полемику к выводам М.А. Осиповой и М.С. Полинской, позволяет, на наш взгляд, интерпретировать их как обнаруживающие не противоположные, а, напротив, аналогичные процессы в речи информантов-билингвов, опрошенных Е.А. Земской.

2.2.1 Не соглашаясь в принципе с мнением М.А. Осиповой об ослаблении модификационного словообразования, серьёзный, глубокий учёный с тонким чувством языка Е.А. Земская вынуждена признать, что глагольная префиксация «не так активна» (Земская 2001: 129) в речи её информантов. Приводимые исследователем примеры с «не теми» приставками, ср.: *на меня навляло* (вместо

повлияло), *Соединённые Нации* (вместо *объединённые*), *наговорились о том, чтобы играть* (вместо *договорились*) (Земская 2000: 142-143) и др., объективно демонстрируют ослабление данной словообразовательной категории. Это явление широко представлено и в материалах наших наблюдений за речевым поведением детей-билингвов в Германии⁵, ср.: *захвати их за руку и выбегайте* (вместо *схвати*), *давай раздувать бассейн* (вместо *сдувать*, т.е. убирать надувной бассейн) и др.

Подчеркивая, что модификационная категория уменьшительности-оценочности – в отличие от данных М.А. Осиповой – активно действует в речи представителей второго и третьего поколений эмигрантов 1-ой волны, Е.А. Земская делает оговорку, что её наблюдения были сделаны в домашней обстановке (в «своём модуле») в рамках непринужденной беседы (Земская 2001: 129).

В свете данного факта анализ приводимых примеров наводит на мысль, что зафиксированные деминутивы могли быть употреблены не в эмоциональной, а в номинативной функции, т.е. по традиции, принятой в семье, ср.: в письме от 24.02.1997 (Земская 2001: 177) – *дорогая мамушка* (не *мамочка* с продуктивным в современном русском языке уменьшительным суффиксом *-очк-*), *Лёник* (не *Лёня*, *Лёничик* и не *Лёнечка*), подпись *Юлька* (а не *Юля*, как того требовал бы от автора нейтральный стиль письма). Феномен обращения в форме уменьшительных имен собственных типа *Ванька*, *Манька* без какой бы ни было эмоциональной оценки, а по «семейной традиции» (ср. Земская 2000: 142), известен в среде потомков русских староверов в США (он наблюдался на курсах русского языка в МГУ среди повышавших там свою квалификацию высокообразованных ученых-филологов). Об утрате деминутивами эмоциональной функции в речи билингвов в диаспоре свидетельствуют и наши актуальные наблюдения, ср.: У врача. «*Как тебя зовут?*» – «*Paul Afonin*», – «*Как? Я не поняла*», – «*Да, Павлушка!*». Переходя на русский язык, ребёнок употребляет свое домашнее ласкательное имя без эмоциональной оценки: он знает, что в официальной ситуации принято называть полное имя и фамилию, что он и сделал по-немецки.

Ослабление эмоциональной функции русского словообразования, особенно в области деривации, у билингвов в рассмотренном иноязычном окружении происходит, как представляется, под влиянием словообразовательной системы языка-партнёра: ни в одном из языков стран, в которых проживают русские эмигранты, опрошенные Е.А. Земской (см. выше), эмоциональная функция слово-образования не играет, в целом, такой большой роли, как в русском, и не представлена, в частности, разнообразием деривационных структур, в том числе суффиксов деминутивов. Именно этим, думается, можно объяснить и тот факт, что информанты-билингвы Е.А. Земской, представители второго и третьего поколений 1-ой волны эмиграции, не используют языковую игру (ср. Земская 2001: 131) – они, очевидно, ею не владеют.

Ослабление эмоциональной функции деминутивов или её утрата ведут к понижению активности данной словообразовательной категории в русском языке

⁵ База данных составлена на основе письменной и устной речи учеников 2-го и 3-го классов Государственной Европейской школы имени Льва Толстого в Берлине (80 человек). Наблюдения велись с 2009 по 2011 год.

билинггов с рассмотренными языками-партнёрами. Именно это документируют исследования М.А. Осиповой в США, а также наши наблюдения в Германии, ср.: показывая на спящего в коляске младенца, – «*Посмотрите, какой у меня брат!*». В речи русского ребёнка-монолингва здесь безусловно ожидается уменьшительно-ласкательное *братик*. В свете высказанной гипотезы логично предположить, что в языке билинггов русскоязычной диаспоры славянских стран модификационная словообразовательная категория уменьшительности-оценочности, широко представленная в славянских языках-партнёрах, продолжает активно действовать. Безусловно, это предположение должно быть подкреплено дальнейшими конкретными исследованиями.

Материалы исследования Е.А. Земской в области модификационного словообразования обнаружили далее более активное, чем в языке метрополии, действие словообразовательной категории образования наименований лиц женского пола от наименований лиц мужского пола (*Motion*), которые используются в речи её информантов нейтрально, без эмоциональной оценки, ср.: *Я секретаршей работала, Я председательница* (Земская 2000: 142).

Данный факт, на первый взгляд, казалось бы, опровергающий выводы М.А. Осиповой об ослаблении модификационного словообразования, при ближайшем рассмотрении обнаруживает, по нашему убеждению, влияние активных механизмов словообразовательной системы языка-партнёра на активизацию адекватных (но пассивных, как в рассматриваемом случае, или тоже активных, см. ниже) участков словообразовательной системы русского языка. Например, в немецком языке – одном из языков-партнёров опрошенных Е.А. Земской информантов-билинггов – образование наименований лиц женского пола от наименований лиц мужского пола с помощью высоко продуктивного суффикса *-in* возможно, практически, от всех основ без каких-либо семантических или формальных ограничений. Более того, благодаря усилиям феминистской лингвистики в современном речевом дискурсе оно предписывается как обязательное в плане политкорректности. В английском языке, с которым связано исследование М.А. Осиповой, данная словообразовательная категория, напротив, весьма пассивна (практически, отсутствует) и не влияет, соответственно, на словообразовательную систему русского языка-партнёра.

2.2.2 Влияние активных механизмов словообразовательной системы языка-партнёра на активизацию словообразовательных процессов в системе русского языка обнаруживается у билинггов и в транспозиционном словообразовании.

По нашему мнению, сюда следует отнести образование абстрактных существительных по продуктивным словообразовательным моделям при наличии в русском языке соответственных непроизводных наименований. Е.А. Земская указывает на подобные явления как «отрицательный языковой материал», ср.: *стыдность* (вместо *стыд*), *чувство обязанности* (вместо *чувство долга*) и др. (Земская 2001: 130).

Как показали наши исследования, билингвы, не владея русской непроизводной абстрактной лексикой, используют для создания соответствующих наименований регулярные продуктивные словообразовательные типы русского языка

по образцу продуктивного и регулярного механизма словообразования на данном участке словообразовательной системы немецкого языка, ср.: *peinlich* 'стыдно' → *Peinlichkeit* 'стыд': *стыдно* → *стыдность*; поздравление к 1 Мая – *Поздравляю вас с Днем труда*! Не зная существительного *труд* (ср. нем. *Tag der Arbeit*), ребёнок знаком с глаголом *трудиться* и использует его для транспозиции наименования глагольного действия в существительное: *трудиться* → *трудение*. В немецком языке для образования таких наименований (*Verbalabstrakta*) широко используется субстантивация инфинитива, что тоже апплицируется в русской речи билингвов, ср.: *Я устал от писать* (вместо *от письма* или *от писания*, ср.: нем. *Ich bin müde vom Schreiben*).

2.3 Итак, если отличительной чертой русской речи эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции является стремление интегрировать лексику иноязычного окружения в систему русского языка с помощью его словообразовательных механизмов, используя номинативную функцию словообразования и применяя его эмоциональную функцию (обе стратегии аналогичны процессам, происходящим в языке метрополии), то у представителей второго и следующих поколений эмиграции следует констатировать билингвизм – владение двумя языковыми системами.

Исследования последних лет в области нейролингвистики и психолингвистики (Dietrich 2002 и др.) показали, что в мозгу билингвов за оба языка-партнёра отвечает один общий центр, кодирующий оба языка (в этом состоит их радикальное отличие от монолингвов, изучающих иностранный язык, у которых таких центров два – один для родного языка и другой для изучаемого иностранного). Следствием данной когнитивной особенности билингвов является естественное наличие языковой интерференции в их речевой деятельности на всех языковых уровнях, обусловленной взаимодействием языковых систем языков-партнёров⁶.

В рамках научного дискурса по изучению языка диаспоры в свете проблематики билингвизма и полилингвизма эти положения необходимо учитывать. Во-первых, следует чётко различать между особенностями речевой деятельности эмигрантов первого поколения и их потомков. Только у последних, как правило, наблюдается естественный билингвизм. Во-вторых, наличие билингвизма неизменно приводит к взаимодействию языковых систем.

Как показывают сделанные наблюдения, у билингвов с русским языком – при интерференции языковых систем в целом – иноязычному влиянию подвергается в том числе и словообразовательная система русского языка. При этом конкретные изменения, связанные с интерференцией словообразовательных механизмов и наблюдаемые на определенных участках словообразовательной системы русского языка, вызваны не влиянием «иноязычной словообразовательной системы» вообще (ср. Акуленко 1972, Земская 2002), но обусловлены специфическими особенностями словообразовательной системы каждого конкретного языка-парт-

⁶ Если явлению языковой интерференции не уделять должного внимания при обучении детей-билингвов, оно может привести к развитию «двойного полужычия» – недостаточного владения не только каждым из языков-партнёров, но речевой деятельностью, языком, вообще, т.е. к полной противоположности билингвизма.

нёра. На основе (ре)интерпритации языкового материала уже имеющихся исследований и наших собственных наблюдений мы попытались продемонстрировать это явление на примере модификационной и транспозиционной деривации.

3. Наиболее стабильным участком словообразовательной системы русского языка в плане иноязычного влияния исследователи считают образование производных мутационного типа, выполняющих номинативную функцию (см. выше). На основе наших наблюдений за речевой деятельностью детей-билингвов в Германии попытаемся показать, что интерференция словообразовательных механизмов русского и немецкого языков-партнёров оказывает влияние и на этот стабильный участок словообразовательной системы русского языка. В отличие от исследований, рассматривавших образование наименований деятеля (ср. Осипова 1999), мы обратимся к словообразованию наименований предметов.

3.1 Как известно, для образования как наименований лиц, так и предметов в русском языке наиболее продуктивным способом словообразования является деривация. Однако в отличие от словообразования имен лиц, где в пределах данной мутационной словообразовательной категории можно установить примерный индекс частных словообразовательных значений, относительно регулярно связанных с определенными словообразовательными типами и формантами (Милославский 1980, Mengel 1997), в словообразовании наименований предметов такая словообразовательная регулярность полностью отсутствует. Так в наименованиях *чайник, кофейник, сахарница, селедочница* с категориальным значением 'место' (свойственным и непроизводным существительным, ср.: *котёл*) определить на основе суффикса их более конкретную словообразовательную (и лексическую) семантику невозможно (ср. Земская 1992: 31, Менгель 2006: 128). Более того, суффиксы *-ник* и *-ница*, как и ряд других аффиксов, омонимичны соответствующим формантам, регулярно образующим наименования лиц, ср.: *странник, странница*.

В словообразовательной системе немецкого языка продуктивным способом словообразования наименований предметов является сложение. Эквивалентами выше названных русских наименований выступают соответственно: *Teekessel, Kaffeekanne, Zuckerdose, Heringsplatte*, где лексическое значение второго, опорного, компонента детерминативного композита однозначно конкретизирует категориальное значение места. Высоко продуктивный способ словообразования слово-сложение в немецком языке практически илиминирует многословные наименования, ср.: нем. *Zungenspitzenkontaktstellung* – рус. *контактное положение кончика языка*, нем. *Wildgänsedaunenjacke* – рус. *куртка с наполнителем из пуха диких гусей* (офиц.) или *пуховик*. Сложения выступают в немецком языке и в соответствии со свободными атрибутивными словосочетаниями в русском, ср.: нем. *Seidenkleid* – рус. *шёлковое платье, платье из шёлка*.

Таким образом, с одной стороны, участки словообразовательных систем русского и немецкого языков, связанные с образованием наименований предметов, кординально различны относительно используемых способов словообразования, его роли и регулярности в отражении лексической семантики производных. С другой стороны, в немецком языке словообразовательный механизм словосло-

ния распространяется на участки языковой системы, на которых в русском языке действуют другие языковые механизмы – лексические и синтаксические.

3.2 Оба этих фактора находят отражение в интерференции языковых систем и влиянии словообразовательного механизма немецкого языка на словообразовательную систему русского языка, наблюдаемых в речи билингвов.

3.2.1 Словообразовательный механизм словосложения, характерный и высоко продуктивный для образования наименований предметов в немецком языке, доминирует, как представляется, эту область словообразовательной системы в едином языковом центре билингвов и апплицируется в словообразовании русского языка. Дети-билингвы не владеют как (весьма нерегулярным) словообразовательным механизмом деривации, так и лексическим способом многословной номинации для образования наименований предметов в русском языке. Продемонстрируем это положение на ряде конкретных примеров.

Ребёнок, школьник 6-ти лет, безусловно уже не раз слышавший в домашнем обиходе⁷ слово *лейка*, затрудняясь сначала назвать по-русски этот предмет, выходит из положения, образуя наименование *лейкане* по образцу немецкого композита *Gießkanne*. Сохраняя полностью второй, опорный, компонент немецкого сложения, выражающий как общее категориальное значение предмета, так и его конкретное лексическое значение – в противоположность русскому деривату, где за суффиксом *-к-* закреплено только общее категориальное (словообразовательное) значение, – ребёнок употребляет в качестве первого, детерминирующего, компонента русский императив *лей*, который, с одной стороны, является производящей основой в русском нормативном деривате *лейка* и, с другой стороны, грамматически соответствует первому компоненту немецкого композита, императиву *gieß*. В другой ситуации наш информант так описывает проезжающий мимо грузовик: «у него сзади висят такие колёса ..., ну ... эрзацколёса». Ребёнку не известно русское многословное наименование *запасные колёса*, по образцу немецкого *Ersatzreifen* он использует в русском языке модель словосложения, употребляя в качестве опорного компонента известное ему русское наименование предмета *колёса* и сохраняя первый, дерерминирующий, компонент немецкого композита.

Думается, было бы ошибочным полагать, что мы имеем здесь дело лишь с частичным калькированием из немецкого и его результатом – возникновением в русском языке слов-гибридов (хотя эти элементы, безусловно, тоже присутствуют). О том, что суть наблюдаемого явления состоит именно в ослаблении выше названных словообразовательных и лексических механизмов на указанном участке языковой системы русского языка под влиянием продуктивных и регулярных словообразовательных механизмов немецкого, свидетельствует, по нашему убеждению, протекание данных процессов на глубинном уровне. Рассмотрим следующие примеры.

⁷ Домашний язык – русский. Родители-филологи, эмигранты первого поколения 4-ой волны эми-грации, в совершенстве владеют обоими языками, русским и немецким, и сознательно избегают смешения языков и употребления слов-гибридов.

Ребёнок собирается в школу: «*Нам нужно взять учительную книгу*». Не подлежит сомнению, что информант-билингв не владеет русской деривационной моделью, хотя он безусловно уже слышал слово *учебник*. По образцу немецкого сложения *Lehrbuch* (*lehren* 'учить' + *Buch* 'книга') он создает в русском языке двусловное наименование, где опорный компонент существительное, как в немецком композите, несёт общее категориальное и конкретное лексическое значение предмета, детерминируемое прилагательным. О высокой продуктивности механизма «двусоставный композит с детерминирующим и опорным компонентами в немецком – двусловное наименование (прилагательное + существительное) в русском» свидетельствуют вновь образуемые, а не воспроизводимые, ненормативные русские двусловные наименования предметов, наблюдаемые в речи билингвов, ср.: *спортная* (вместо *спортивная*) *одежда* (ср. нем. *Sportbekleidung*, *Sportzeug*), *травные* (вместо *травяные*) *растения* (ср. нем. *Graspflanzen*) и др. Это подтверждает и возникновение гиперкорректных двусловных наименований, ср. *варная кастрюля* (вместо русского однословного непроизводного адаптированного заимствования *кастрюля*) в соответствии с немецким *Kochtopf* (нем. *kochen* 'варить' + *Topf* 'кастрюля').

Следующий шаг аппликации немецкой словообразовательной системы в русском языке и универсальное вытеснение словосложением не только деривационных, но и лексических моделей номинации на указанном участке языковой системы, можно наблюдать в наименованиях такого типа, ср.: *захвати их за руку и выбегайте* (см. выше) *из дом и закрывайте заходидверь*. Композит *заходидверь* на месте русского нормативного двусловного наименования *входная дверь* создан в соответствии с немецким эквивалентом *Eingangstür* (*Eingang* 'вход' + *Tür* 'дверь'), но не является его калькой. Он образован по выше описанной (см. *лейкане*), как кажется, продуктивной в речи детей-билингвов модели с русским императивом в качестве первого детерминирующего компонента. Эта модель отнюдь не чужда словообразовательной системе русского языка. Она была весьма продуктивна в различные периоды его исторического развития, ср. собственные имена лиц *Володимир* (*володети* 'иметь, властвовать' – *володи*), *Вырвиглаз* (*вырвати* – *вырви*) и нарицательные наименования предметов *перекаטיפоле* (*перекатит* – *перекати*) и др.

Языковое поведение эмигрантов первого поколения, не являющихся билингвами, в отношении словообразования на данном участке языковой системы русского языка – полностью противоположно. Характерные для немецкого языка сложные слова, обозначающие предметы, интегрируются в языковую систему русского языка как дериваты мутационного типа по продуктивным словообразовательным моделям, ср.: На приёме у адвоката (клиентка не владеет немецким языком, разговор ведётся через переводчика) – *Я пришла на пуцалку, включила шпультку* [...]. За словом-гибридом *шпультка* (или *шпюлька*, ср. из разговора работников российского посольства в Берлине: *хочу купить шпюльку*) скрывается немецкий композит *Spülmaschine* (*spülen* 'полоскать' + *Maschine* 'машина'), которому в русском языке соответствует двусловное наименование *посудомо-ечная машина*. Адаптация немецкого композита происходит в результате действия продуктивной в русском языке компрессивной функции словообразования по

аналогии с *посудомоечная машина* → *посудомойка* (ср. *литературная газета* → *литературка* и др.), когда двусловное наименование предмета заменяется дериватом с продуктивным суффиксом *-к*⁸.

Итак, анализ образования наименований предметов в русской речи детей-билингвов в Германии показывает, что влияние словообразовательных механизмов немецкого языка вне всякого сомнения ведёт к ослаблению мутационного словообразования на этом участке словообразовательной системы русского языка. Напротив, активизируется механизм словосложения и лексический способ номинации двусловными наименованиями с опорным компонентом существительным, несущим общее категориальное и конкретное лексическое значение, и детерминирующим его компонентом – прилагательным.

3.2.2 Механизм словосложения в немецком языке, как было показано выше (см. 3.1), выступает и в соответствии со свободными синтаксическими атрибутивными словосочетаниями в русском. Описанная выше ситуация с учебником имела продолжение. Когда мать через некоторое время переспросила: «*Как ты назвал Lehrbuch по-русски?*», ребёнок ответил: «*Пустая книга*». Вне конкретной описанной ситуации он предположил, что мать имеет в виду **Leerbuch* (нем. *leer*, 'пустой'), фонетически оба наименования с долгим [е:] идентичны. Непроизводное русское прилагательное *пустой* известно нашему информанту.

При образовании прилагательных в соответствии с первой детерминирующей частью немецкого композита как в выше описанных двусловных наименованиях предметов, так и в свободных словосочетаниях в русской речи билингвов наблюдается ослабление транспозиционной деривации при образовании относительных прилагательных и мутационной деривации при образовании качественных прилагательных.

Оба процесса проявляются в сокращении числа суффиксов, используемых для образования прилагательных, неразличении их семантики и практическом доминировании суффикса *-н-* при образовании прилагательных всех разрядов, ср.: *спортивная (одежда)* вместо качественного прилагательного с суффиксом *-ив-* *спортивная*; *травяные (растения)* вместо относительного прилагательного с суффиксом *-ан-* *травяные*, *варная (кастрюля)*, *учительная (книга)* (см. выше) и др. Гиперкорректное использование суффиксов подтверждает сделанное наблюдение, ср.: *просторечивая лексика* (из студенческой работы) – использован суффикс *-ив-*, применяемый для образования качественных прилагательных (ср. *спорт* → *спортивная*) вместо нормативного здесь суффикса *-н-* для относительных прилагательных: *просторечие* → *просторечная лексика*; *юбилейский год* (Земская 2001: 130) с суффиксом *-ск-* вместо нормативного *юбилейный* с суффиксом *-н-* и др.

Наиболее ярко практически неограниченная сфера употребления и высокая продуктивность суффикса *-н-* в речи билингвов представлена при образовании притяжательных прилагательных, где в словообразовательной системе русского языка суффикс *-н-* не используется, ср.: *коровная* (вместо *коровья*) *нога* (нем.

⁸ С тем же продуктивным в русском языке суффиксом *-к-* информант образует и абстрактное наименование действия, адаптируя нем. *putzen* → *пуцать*, 'убирать' → *пуцалка*, 'уборка' (ср. *убирать* → *уборка*), что тоже не характерно для билингвов (см. выше).

Kuhbein), лоша́дний (вместо лошадиный) навоз (нем. *Pferdemist*), лисана (вместо лисья) нора (нем. *Fuchsbau*), пти́чние (вместо птичье) пения (нем. *Vogelgesang*), кро́личная (вместо кроличья) клетка (нем. *Kaninchenkäfig*), белы́чный (вместо беличий) хвост (нем. *Eichörnchenschwanz*). Ослабление деривационных механизмов на этом участке русской словообразовательной системы в целом наглядно демонстрируют и следующие образования, возникшие в соответствии с выше названными немецкими композитами, ср.: *коровьена нога*, *коровы нога*, *коровино молоко*; *лоша́дний навоз*, *лоша́дшей навоз*; *ли́сичей дом*; *пти́чиные песни*; *кро́лика клетка*; *бели́шей хвост*, а также «бессуффиксальные» притяжательные прилагательные типа *кури́чий сарай* (*курица* → *кури́чий*, вместо *куратник*) или гипер-корректные образования типа *мы́ший хвост* (вместо *мышиный*).

Таким образом, под влиянием продуктивного в немецком языке механизма словосложения в словообразовательной системе русского языка билингвов происходит значительное ослабление словообразовательных механизмов деривации в области транспозиционного и мутационного словообразования прилагательных, что выражается в утрате формального и семантического разнообразия словообразовательных формантов и стремлении к их унификации в одном универсальном регулярном суффиксе прилагательного, употребляемого в соответствии с детерминативной частью немецкого композита.

3.3 В целом, можно утверждать, что в результате интерференции языковых систем на участке словообразования наименований предметов в словообразовательной системе русского языка под влиянием словообразовательных механизмов немецкого происходит ослабление мутационного словообразования существительных (в их основной номинативной функции) и качественных прилагательных, а также транспозиционного словообразования относительных прилагательных.

4. Проведенное исследование позволяет сделать следующие общие выводы:

1) В рамках научного дискурса по изучению языка диаспоры в свете проблематики билингвизма и полилингвизма необходимо чётко различать между особенностями речевой деятельности эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции и их потомков. Только у последних, как правило, наблюдается естественный билингвизм.

2) Отличительной чертой речи эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции является стремление интегрировать лексику иноязычного окружения в систему русского языка с помощью его словообразовательных механизмов, используя номинативную функцию словообразования и применяя его эмоциональную функцию. Обе стратегии аналогичны процессам, происходящим в языке метрополии – где они усиливаются в периоды социальных катаклизмов – и проявляются в образовании слов-гибридов. Как в языке диаспоры, так и в языке метрополии слова-гибриды не отражают изменений в словообразовательной системе русского языка, но, напротив, свидетельствуют о её устойчивости.

3) Наличие билингвизма, характерное для представителей второго и последующих поколений всех волн эмиграции, неизменно приводит к взаимовлиянию

языковых систем языков-партнёров. Как показали сделанные наблюдения, у билингвов с русским языком – при интерференции языковых систем в целом – иноязычному влиянию подвергается в том числе и словообразовательная система русского языка.

4) Изменения, связанные с интерференцией словообразовательных механизмов, наблюдаемые на определенных участках словообразовательной системы русского языка, охватывают все семантические типы наиболее продуктивного деривационного способа словообразования. Представленные в транспозиционных, модификационных и мутационных словообразовательных категориях они вызваны при этом не влиянием «иноязычной словообразовательной системы» вообще, но обусловлены специфическими особенностями словообразовательных систем конкретных языков-партнёров.

5) Наблюдения за словообразованием наименований предметов в русской речи билингвов с немецким языком-партнёром показали в качестве конкретного примера в этом плане, что под влиянием продуктивного словообразовательного механизма немецкого языка – словосложения – на данном участке словообразовательной системы русского языка происходит ослабление механизма деривации, в частности, мутационного словообразования существительных и качественных прилагательных, а также транспозиционного словообразования относительных прилагательных. Напротив, активизируется механизм словосложения и лексический способ номинации двусловными наименованиями с опорным компонентом существительным и детерминирующим компонентом прилагательным с «унифицированным» в словообразовательном плане формантом.

ЛИТЕРАТУРА

- Акуленко 1972: В.В. Акуленко. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков.
- Афонин 2011: С.В. Афонин. Дистантное обращение и дистанция в речи русско-немецких детей-билингвов в начальной школе. В: Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И.Герцена 4-6 мая 2011 г. Санкт-Петербург, 589-597.
- Афонин 2012: С.В. Αδîîîéí. Понимание текстов и передача содержания прочитанного русско-немецкими детьми-билингвами. В: Проблемы онтолингвистики – 2012: Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А.Н. Гвоздева, 24-26 апреля 2012 г. Санкт-Петербург, 489-494.
- Земская 2000: Е.А. Земская. Функции словообразования в языке русского зарубежья. В: K. Kleszczowa, L. Selimski (red.). Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Kotowice, 141-146.

- Земская 2001: Е.А. Земская. Словообразование. В: Е.А. Земская (ред.). Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты. Москва-Вена, 128-135.
- Земская 2002: Е.А. Земская. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов. В: S. Mengel (Hrsg.). *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Münster-Hamburg-London, 157-169.
- Костомаров 1994: В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Москва.
- Лукашанец 2003: А.А. Лукашанец. Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў рускай, беларускай і украінскай мовах. В: I. Ohnheiser (ed.). *Slowotwórstwo / Nominacija. Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. Opole, 59–77.
- Менгель 2006: С. Менгель. Словообразовательное значение. В: Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И.С. Улуканова. Москва, 126-141.
- Милославский 1980: И.Г. Милославский. Вопросы словообразовательного синтеза. Москва.
- Осипова 1999: М.А. Осипова. К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень. В: *Slavia* (1999) 1.
- Осипова 2001: М.А. Осипова. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. В: Т.М. Николаева (ред.). *Славянские языки в неславянском окружении*. Москва.
- Плаксына 2010: Е.А. Плаксына. Фразеологизмы в языковом восприятии детей-билингвов. В: *Фразеология, познание и культура. Международная конференция славистов*. (Белгород, 7-9 сентября 2010), т. 2: Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Белгород, 381-385.
- Плаксына 2011: Е.А. Плаксына. Фонетические особенности речи немецко-русских детей-билингвов. В: *Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена*, 4-6 мая 2011 г. Санкт-Петербург, 567-572.
- Плаксына 2012: Е.А. Плаксына. Синтаксические особенности русской речи учеников-билингвов в Германии. В: *Русская речевая культура и текст: Материалы VII Международной научной конференции* (16-18 мая 2012 г.). Томск, 334-338.
- Поливанов 1931: Е.Д. Поливанов. За марксистское языкознание. Москва.
- Селимски 2003: Л. Селимски. Проява на тенденцията към интернационализация в южно-славянските езици. В: I. Ohnheiser (ed.). *Slowotwórstwo / Nominacija. Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. Opole, 102-126.
- ТСРЯ 2000: Г.Н. Складневская (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Санкт-Петербург.
- Чиршева 2000: Г.Н. Чиршева. Введение в онтобилингвологию. Череповец.
- Anstatt 2007: T. Anstatt (Hrsg.), *Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb. Formen. Förderung*. Bochum.

- Baker 1996: C. Baker, *Foundations of Bilingual Education And Bilingualismus*. Clevedon.
- Berend 2003: N. Berend. Zur Dynamik von Sprachveränderungsprozessen in gesellschaftlichen Umbruchsituationen. In: U. Reitemeier (Hrsg.) *Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich*. Mannheim.
- Brehmer 2007: B. Brehmer, Sprechen Sie Qwelja? Formen und Folgen russisch-deutscher Zwei-sprachigkeit in Deutschland. In: T. Anstatt (Hrsg.) *Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb. Formen. Förderung*. Bochum, 163-185.
- Dietrich 2002: R. Dietrich. *Psycholinguistik*. Stuttgart-Weimar.
- Edel 2007: K. Edel. *Strukturen des Bilingualismus – untersucht an Codeswitching Deutsch / Spanisch*. Frankfurt am Main-London.
- Garlin 2000: E. Garlin. *Bilingualer Zweispracherwerb: Sprachlich Handeln, Sprachprobieren, Sprachreflexion. Eine angezeitstudie eines deutsch-spanisch aufwachsenden Geschwisterpaares*. München.
- Gutschmidt 1999: K. Gutschmidt. Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках – отражения поверхностные и глубинные. In: Bosák, Jan (ed.). *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*. Bratislava, 9-17.
- Kouzman 1973: L. Kouzman. The morphological integration of English lexical items in the Russian speech of bilingual migrants living in Australia. In: *Melbourne Slavonic Studies* (1973) 8, 10-19.
- Mengel 1997: S. Mengel. Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11. – 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien.
- Mengel 2011: S. Mengel. Typologischer Wandel im systemischen Ausdruck der Kasusfunktion im Russischen. In: M.L. Kotin, E.G. Kotorova (Hrsg.). *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme / History and Typology of Language Systems*. Heidelberg, 257-263.
- Mengel в печати: S. Mengel. Westeuropäische Einflüsse in der Wortbildung. [Slavische Sprachen – Slavic Languages. An International Handbook. Ein internationales Handbuch. (Handbooks of Linguistics and Communication Science – HSK)]
- Ohnheiser 2002: I. Ohnheiser. Влияние языковых контактов на комбинаторику или Дети сорока VIP-персон кричали: «Вода кульно тёплая!». In: S. Mengel (Hrsg.). *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Münster-Hamburg-London, 35-53.
- Waszakowa 2003: K. Waszakowa. Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zacodniosłowiańskich. In: I. Ohnheiser (ed.). *Słowotwórstwo / Nominacja. Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. Opole, 78-102.

Swetlana Mengel, Elena Plaksina

INTERFERENZ DER WORTBILDUNGSMECHANISMEN
IN SPRACHSYSTEMEN BILINGUALER SPRACHTRÄGER
(am Beispiel des Russischen in der Diaspora und seiner Partnersprachen)

Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag wird ein Versuch unternommen, die Abbildung der Wortbildungssysteme von zwei Sprachen (von denen eine das Russische ist) im (mündlichen und schriftlichen) Sprachgebrauch bilingualer Sprachträger aufzuzeigen und die Bereiche ihrer Interferenz sowie die Ursachen ihrer Zusammenwirkung festzustellen. Nachdem einige konkrete Fakten aus vorhandenen Untersuchungen zur russischen Sprache in der Diaspora (re)interpretiert und mit Resultaten unserer Analyse verglichen werden, stellen wir unsere aktuelle Studie über die Wortbildung von Gegenstandsbezeichnungen im Sprachgebrauch des Russischen von bilingualen Kindern, die in Deutschland geboren wurden bzw. leben. Dem-entsprechend werden die Interferenzmechanismen der Wortbildungsmodelle- und -muster im Bereich, wo die Sprachsysteme der russischen und der deutschen Sprache die größten Unterschiede aufweisen, freigelegt und einer genauer Analyse unterzogen. Der Untersuchung liegt eine Datenbank zu Grunde, die anhand unserer langjährigen Beobachtung des Sprachverhaltens bilingualer Grundschüler der Europa-Schule „Lew Tolstoj“ in Berlin, die der parallele Unterricht in deutscher und russischer Sprache anbietet, zusammengetragen wurde. Die Untersuchung wurde mit der offiziellen Genehmigung des Berliner Senats durchgeführt.